

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ:

Известия - 1999 -
21 окт. - с. 10

Моя книга о любви будет печальной

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ — одна из самых известных и самых жестких современных писательниц — родилась на Украине, в Ивано-Франковске, пишет по-русски, живет в лукашковской Белоруссии. Экологические трагедии и политические разломы конца XX века прошли через ее жизнь; тому, как человеческое сознание выдерживает страшный напор истории, посвящены главные ее книги — «У войны не женское лицо» (1985), «Цинковые мальчики» (1989), «Чернобыльская молитва» (1998). Они изданы в 21 стране мира. Сейчас Алексиевич готовится к печати новую книгу. С этого и начался разговор.

— Как-то даже неожиданно для меня самой мои книги сложились в летопись советского времени. Времена поменялись, но человеческий типаж остался и еще лет десять будет оставаться прежним. Из задуманного цикла книг — «Человек знакомый» — уже написано пять: «У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики», «Зачарованные смертью», «Чернобыльская молитва». Осталось сделать еще две — «Свет вечерний» (о людях, которые на склонах лет задаются вопросом: а как я жил?) и «Чудный олень вечной охоты» (исповеди мужчин и женщин о любви и попытка понять через них, что мы такое). Этой книгой я занимаюсь уже несколько лет и надеюсь, что она, как и все мои последние книги, увидит свет в журнале «Дружба народов» в будущем году.

— Практически во всех ваших книгах были сюжеты о любви. Поразительные, пронзительные — и у чернобыльцев, и у афганцев...

— Эта книга — другая. Впервые, на свете практически нет счастливых людей. А во-вторых, я думаю, что при всех ужасах войны, революции, ГУЛАГа самые большие несчастья происходят между двумя людьми. Сколько я выслушала рассказов о том, как человек смог пройти через войну, плен, лагерь и не выдержал предательство родных — оказался неспособным начать новую жизнь, остался одиноким. Для себя я определила, что книга о любви будет печальной. В ней будут истории любви на войне, в лагере — любви необычной. О том, как мужчины под выстрелами ВОХРа с лагерной вышки бегут к женским баракам, а женщины бросаются к мужским. Что-то на уровне физиологии, иначе никак не объяснишь. Или о том, как девушка работает по заданию партизан в немецкой столовой, в нее влюбляется немецкий солдат, и они вместе уходят к партизанам. Там их допрашивают две не-

дели и расстреливают — и одного, и другого... Книга о любви будет печальной, потому что именно в эти моменты человек больше всего не хочет думать о смерти. Он кричит, он вопит: «Не хочу умирать!»

— А люди хотят рассказать о своей любви?

— Да, люди стали более открытыми. И рассказывают, и рассуждают. Я задаю своим героям вопрос: «Что такое любовь?» Когда спрашиваешь об этом немку, она говорит: мне было хорошо с этим человеком, то есть о себе. Русский человек чаще всего отвечает: любовь — это болезнь, страдание, катастрофа, жертва... Почему? Одна из моих героинь объяснила: так ведь мужчины у нас были или после войны, или после тюрьмы. И я впервые подумала: мы все понимаем, что такое наша история, но не соотносим ее с частной жизнью. Травмированный человек. Может, отсюда не «люблю», а «жалею»?..

Есть вещи, которых я никогда бы не услышала еще лет 10–15 назад. Вот такая, скажем, история. Арестованы, репрессированы муж и жена. Из лагеря он попросился на фронт, отличился в боях, окончилась война, он, уже офицер, вернулся домой. Его вызывают в райком: «Жену мы вам вернуть не можем, а вот партбилет возвращаем». И этот человек мне говорит: «И я был счастлив». Сегодня такое просто невозможно. Сегодня человек выше всего поставил бы ценность жизни. И тема любви очень «попадает» в наше время.

— Кого вы отбираете в «герои»? Это знаменитости или люди «простые, советские»?

— Меня интересует «маленький человек», его история. Включаешь телевизор: выступает известный писатель — и его неинтересно слушать. И политиков слушать совсем неинтересно. Интеллектуалы ходят по кругу, «подпитываются» друг от друга или от идей прошлого, ностальгируют... Полная неспособ-

ВИКТОР АХЛЮМОВ

Светлана Алексиевич

ности генерировать идеи. Интересно слушать «просто» людей. У «маленького человека» нет выхода — он добывает новые знания, вырабатывает новые оттенки чувств, устанавливает новые взаимосвязи. Это новый текст, его собственный текст. Я хочу, чтобы «маленький человек» прочитал о самом себе. Человек давно понял, что у него никого нет, кроме другого человека. Все, что называлось идеей, или жизнь там, за порогом, — кошмар, еще более несовершенна, чем у себя дома. И если что-то можно понять и поменять, то только на «территории» одного какого-то человека, которого ты для себя нашел и для которого ты способен что-то сделать. Большого не дано, да и не нужно. Умение быть счастливым, радоваться просто жизни, своему дому, человеку, который рядом с тобой, — это все новый опыт.

— Такой ли новый? Всегда одних манили вселенские цели, а других — домашний уют. И в жизни, и в литературе. Одиссей и Пенелопа, Пер Понт и Сольвейг, Лев Николаевич и Софья Андреевна. Не захочешь, а вспомнишь, что человечество делится на мужчин и женщин.

— В нашей литературе любовь — это первое, чем можно было пожертвовать. Человек встречает свою любовь, но ему срочно нужно бежать на баррикады или резать лягушек. Это Тургенев. А герои Достоевского, того же Толстого с его насмешкой над Наташей с пленками?.. Полное нежелание признать самоценность жизни.

— Но тогда почему же так неуютно чувствуют себя американцы, проповедующие ценнос-

ти частной жизни, семьи и т.п.? (Пресловутое: хорошо мне и моей семье — хорошо государству.) Почему там повальные невроты и депрессии?

— Возможно, они переживают другой кусок истории. Американская семья — нечто весьма прочное, американский дом — это крепость.

— И в качестве «друга дома» — психоаналитик.

— Это все-таки нечто совсем иное, чем у нас. Один из моих героев — швед — говорит: «У меня в детстве была такая травма!» Я гадаю: что с ним могло случиться? Отца убили? Родители бросили? Оказывается, отец, человек неразговорчивый, мало с ним общался, а однажды даже хотел его ударить. Это совершенно несопоставимые вещи. Я вовсе не хочу сказать, что там счастливое общество и все хорошо. В этом урбанизированном мире человек чувствует себя неуютно.

— А есть какие-то книги, где, по-вашему, все о любви — правда?

— «Темные аллеи» Бунина. А вообще, не случайно сейчас так читают западную литературу: все-таки она и открывнее, и дальше пошла в этих вопросах.

— Но читают не только «качественную» литературу — мелодрама, «женский роман» популярны необычайно. Что такое чтение дает? Что восполняет?

— Идут по линии наименьшего сопротивления. Хотя... даже кто-то из моих героинь говорил об увлечении этими книгами — ощущение такое, будто что-то в жизни прошло мимо. Очень много вопросов еще с этой книгой. Сама тональность, сюжет, композиция... Как ни относишься к Пелевину, но что-то он угадал в новой эстетике. Я для себя угадал пока не могу. Единственно, чувствую, что мой старый инструмент не годится. Фальшивый звук. Главная трудность — человек не может здесь спрятаться за событием. Событие — он сам.

— Но истории о любви — опыт, который невозможно повторить, здесь у каждого свой ответ. А что такое любовь для вас?

— Я уже столько выслушала всего, что одного какого-то ответа нет. Может быть, так: это единственное утешение, которое дано нам, чтобы не страшно было умирать.

Наталья ИГРУНОВА